

RU

Метафилософское наследие Григория Назианзина

Сафонов А. С.

Аннотация. Цель исследования - выявить метафилософские идеи в трудах Григория Назианзина и на их основании дать обобщенную характеристику проблемы сущности философии. В работе анализируются взгляды Григория Назианзина в контексте современной метафилософской проблематики. Основываясь на анализе метафилософской позиции Григория Назианзина, автор формулирует центральную проблему метафилософии. В статье обозначаются основные стратегии решения этой проблемы и делается вывод о необходимости выделения метафилософии в специальную область философских исследований. **Научная новизна** состоит в попытке заново взглянуть на проблему природы философии через призму философского наследия патристики. **В результате** доказывается, что центральной метафилософской проблемой является вопрос о соотношении философии и критерия правильности (истинности).

EN

Gregory of Nazianzus's Metaphilosophical Heritage

Safonov A. S.

Abstract. The purpose of the study is to identify metaphilosophical ideas in works by Gregory of Nazianzus and, using them as a basis, provide a generalised description of the issue of philosophical essence. The work analyses Gregory of Nazianzus's views within the framework of modern metaphilosophical issues. Basing on the analysis of the metaphilosophical standpoint adopted by Gregory of Nazianzus, the author states the key problem of metaphilosophy. The article outlines the main strategies for solving this problem and concludes that it is necessary to separate metaphilosophy into a special area of philosophical research. Scientific novelty of the study lies in attempting to take a fresh look at the issue of philosophy nature through the lens of philosophical heritage of patristics. As a result, it is proved that the key problem of metaphilosophy is the issue of correlation between philosophy and truthfulness criterion.

Введение

Актуальность исследования обусловлена нарастающим интересом философов к проблемам метафилософского характера. Глобальные потрясения XX-XXI вв., ускоряющееся развитие науки, трансформации высшего образования стали факторами кризиса самоопределения философии. Вопрос о природе философии встречается на всем протяжении ее истории. Однако именно переходным периодам развития философии свойственны моменты обострения метафилософской проблемы. К таким переходным периодам можно отнести и современное состояние философии, что делает принципиально важным поиск новых метафилософских идей в историко-философском наследии. В этом плане особенно ценным видится метафилософский потенциал наследия Григория Назианзина и всей патристики.

В ходе работы решаются следующие **задачи**: во-первых, исследовать философское наследие Григория Назианзина; во-вторых, произвести выявление, анализ и систематизацию метафилософских идей в трудах Григория Назианзина; в-третьих, исходя из полученных результатов, сделать вывод о природе философского мышления; в-четвертых, сделать обобщающее заключение о перспективе развития метафилософской проблематики.

Для решения исследовательских задач использовались **методы** герменевтики, сущностного анализа и интерпретации текстов.

Теоретической базой исследования послужили тексты Григория Назианзина [3-5], историко-философские работы, посвященные анализу философских идей Григория Назианзина и патристики, Г. Г. Майорова [6], К. Били [9] и Б. Дэйли [10], а также работы А. Бадью [1], В. В. Васильева [2], Т. Уильямсона [8] и Д. Ноуба [7], затрагивающие современные проблемы метафилософии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для дальнейших исследований в области метафилософии и для формирования нового понимания природы философии.

Философское наследие Григория Назианзина

Называть Григория Назианзина философом можно только с дополнительными оговорками. Философский аспект, безусловно, присутствует в его трудах, однако он всегда вторичен, а роль философствования преимущественно прагматическая. Теоретические конструкты философов (прежде всего платоников, стоиков и киников) используются только для собственных теологических построений. Проникновение философских идей в теологию Назианзина, скорее, обусловлено общей интеллектуальной атмосферой эпохи, сущность которой составляла философская образованность: «В Александрии и в Афинах он [Григорий Назианзин] имел возможность, и вероятно пользовался ей, посещать лекции представителей великих философских “школ” античности: ожидалось, что человек, образованный в области свободных искусств, должен был быть знаком со стратегиями аргументации и с концепциями фундаментальной реальности, которые были переданы сквозь почти тысячу лет, в Эллинистической культуре» [10, р. 34]. Григорию (как и всей ранней патристике до него) приходилось в своей богословской деятельности использовать язык и идеи философии, поскольку не существовало иного интеллектуального пространства. Познание божественной сущности изначально составляло предмет философии, так, Аристотель отводит эту функцию первой философии (теологической философии). Поэтому христианской теологии приходилось отвоевывать и отстаивать свой предмет в полемике с наследием классической философии, с одной стороны, а с другой – с чрезмерно свободной философской спекуляцией над священными текстами, примером которой служит гностицизм.

Задача Григория Назианзина достаточно трудная – необходимо было встроиться в тысячелетнюю философскую традицию, при этом отмежеваться от нее и не слиться с ней в единое целое. Задача, очевидно, противоречивая – объединиться, не объединяясь, что требует некоторого диалектического синтеза в форме философской теологии. Однако именно такая противоречивая установка патристики может иметь ценное метафилософское содержание. Собственно ситуация осмысления природы философии с точки зрения теологии уже есть позиция метафилософская, поскольку в ней занимается внешняя позиция рассмотрения. Изучение такого состояния внеаходимости теологии по отношению к философии может быть чрезвычайно полезно для разработки метафилософии в качестве специальной философской дисциплины, в которой метавыход осуществляла бы сама философия. Можно сказать, что метапозиция патристики Григория Назианзина может дать философии способ занятия рефлексивной позиции по отношению к самой себе. При этом важно отметить, что цель не просто единичная концептуализация природы философии, цель в том, чтобы пространство метафилософского анализа стало систематической дисциплиной философского мышления. Поэтому задача данной работы – продемонстрировать важность и наметить базовые принципы выделения метафилософии в качестве специфической области философии. Мы уверены, что наличие в ряду философских областей исследования специального пространства перманентной и целенаправленной саморефлексии важнее, чем единичный ответ (даже самый концептуально изощренный) на вопрос о том, что такое философия.

Метафилософские воззрения Григория Назианзина

Для Григория Назианзина античное философское наследие представляло собой попытку интуитивного выражения объективной истины средствами разума. Однако разум, на который опирается философия, – прежде всего, человеческий разум, поэтому способ его познания не лишен опасности заблуждения. Его основания неясны, а выводы в лучшем случае правдоподобны. Отсюда и разброд в точках зрения, в подходах и концепциях различных философских школ, каждая из которых есть ограниченное видение целостной истины. Сам же абсолют истины недоступен человеческому разуму, поскольку он есть божественная трансцендентность, поэтому разум не может познать истину, но он может подвести к той границе, указать пределы (в первую очередь, собственные пределы познания), за которыми и располагается истина. Однако это уже не истина знания, а истина веры: «Чего я не рассматривал сам с собой в любоведущем уме своем, чем не обогатил разума, где не искал подобия для сего, но не нашел, к чему бы должному можно было применить Божие естество. Если и отыскивается малое некое сходство, то гораздо большее ускользает, оставляя меня долу вместе с тем, что избрано для сравнения» [3].

Опора на человеческий разум не является достоверной, поскольку истина, которую он хочет открыть, есть истина божественная – бесконечная и невообразимая. Но это не приводит Григория к отказу от разума и от философского интеллектуального наследия. Наоборот, это внушает уважение и почтение к античной философии, поскольку философы в «слепом» блуждании, опираясь исключительно на собственный интеллектуальный потенциал, смогли приоткрыть трансцендентную истину. Поэтому Григорий Назианзин отдает должное интеллектуальному мужеству античной философии, которая вне откровения, достаточно сильно продвинулась в направлении познания объективной истины. Очевидно, что с теологической точки зрения у античных мыслителей не было и шанса, поскольку они были изначально отделены от истины, а поэтому

обречены на ошибочность. Не удивительно, что философское наследие представляло собой пестрое лоскутное одеяло противоборствующих мнений. Свободное, ничем не ограниченное мышление может не приближаться к истине, а наоборот, удаляться от нее. Поэтому Григорий Назианзин утверждал, что философия и науки полезны, особенно своими методами умозрения и рассуждения, однако они прежде должны быть подвергнуты своеобразному очищению, в котором полезное и правильное, т.е. догматически верное, было бы отделено от дурного и ложного: «Так и в науках мы заимствовали исследования и умозрения, но отринули все то, что ведет к демонам, к заблуждению и во глубину погибели. Мы извлекали из них полезное даже для самого благочестия, чрез худшее научившись лучшему, и немощь их обратив в твердость нашего учения» [5].

Для Григория, как и для всей мысли Средневековья, свойственно придавать этическое измерение познавательному процессу. «Исследования» и «умозрения» истинны только тогда, когда они являются благими, что в конечном счете значит, что полученные знания приближают к всеблагому трансцендентному первоначалу. Знание не просто знание, эрудиция или изощренная гибкость аргументации, такое знание нередко может быть дурным, поскольку служит частным интересам отдельных людей. Знание, не спроецированное на плоскость моральных координат, само по себе никакое, поэтому его этическая характеристика во многом зависит от этических характеристик человека, пользующегося знанием, а человеческая природа греховна. Поэтому религиозное мировоззрение Средних веков надстраивает над гносеологическим идеалом Античности этическую идею спасения: «Другой скуден умом и беден в языке, не знает оборотов речи, изречений и загадок мудрецов, Пирроновых способов настоять, задержать, противоположить, Хризипповых приемов решать силлогизмы, злохудожности Аристотелевых ухищрений, обаяний Платонова красноглагольства, что все подобно египетским язвам ко вреду вкралось в нашу Церковь, но и такой имеет средства спастись. С помощью каких же речений? Подлинно, ничего нет богаче благодати!» [4].

Познание осуществляется не просто так, ради самого знания, а ради того, чтобы обрести спасение и приблизиться к божественной сущности. Именно морально-религиозный критерий «спасения» и приближения (возвращения) является способом отделения истинного знания от ложного. В силу этого, с точки зрения Григория, очищение правильного знания от неправильного осуществляется через моральное и духовное очищение самого человека: «Знание Бога, таким образом, не то, что может быть приобретено или выучено независимо от человеческого морального и духовного состояния, оно принадлежит только тем, кто претерпел ценный процесс трансформации, который Григорий называет очищением» [9, р. 68].

Таким образом, Григорий Назианзин вводит морально религиозный критерий истинного знания, конечная цель которого – посмертное воздаяние за праведную жизнь. Священное Писание рассматривается в качестве непреложной первичной истины, в соответствии с которой оценивается все знание. Основная задача мыслящего человека – постоянно ограничивать и обуздывать излишнюю спекулятивную прыть собственного разума, которая может далеко завести от ортодоксии, т.е. от правильного мнения. Излишняя рациональность, т.е. вера в человеческий, а не божественный разум, может далеко завести в ересь, в сторону от истины, равно как и недостаток собственных рациональных усилий может оставить человека в темноте ошибочных представлений: «Ибо и для праведности, и для мудрости одно опасно – горячность в делах и слове, от излишества престающая пределы совершенства и добродетели. Равно вредят и недостаток и избыток, как правилу – прибавление и убавление. Посему никто да не будет ни мудр более надлежащего, ни законнее закона, ни блистательнее света, ни прямее правила, ни выше заповеди. А сего достигнем несколько, если познаем мир, восхвалим закон природы, последуем разуму и не презрим благочиния» [4].

Опасна чрезмерность как в невоздержанности, так и в пассивности. «Не быть мудрым более надлежащего» означает не отказ от мудрости и от разума, а ограждения разума от ошибочности. Для Григория Назианзина разум представляет собой, прежде всего, инструмент, который служит целям того, кто его использует. Несложно заметить в таком понимании разума предвосхищение гносеологической проблемы метода в Новое время. Р. Декарт и Ф. Бэкон также будут искать критерий, в подчинение к которому должен быть поставлен разум. Для Бэкона это станет опыт, а для Декарта – интеллектуальная интуиция самого разума. Однако если для Нового времени критерий ограничения разума гносеологический, позволяющий отделять истинное знание от ложного, то у Григория Назианзина – ограничения морального характера. Для Григория главный вопрос – чему служат знания, поскольку вопрос о том, что есть истина, для него уже не стоит. Истина дана в божественном откровении, и именно в соотношении с ним определяется правильность или неправильность деятельности разума. Поэтому ограничение разума при помощи истины веры стоит рассматривать у Григория Назианзина как своеобразный методологический прием, призванный для управления разумом, а не для его устранения: «Не молчать приказываю тебе, мудрейший, а не стоять упорно за свое; не истину скрывать, а учить сверх закона. Я первый из хвалителей мудрости, первый из упражняющихся или, по крайней мере, желающих упражняться в Божием слове» [Там же].

Итак, с точки зрения Григория Назианзина, философия представляет собой область свободного спекулятивного мышления. В области философии человек может проявлять колоссальную гибкость и силу собственного разума, возводя впечатляющие спекулятивные конструкции и объясняющие модели. Однако свобода человеческого мышления – явление двойственное, имеющее, помимо очевидных преимуществ, один существенный недостаток. Этот изъян заключается в том, что становится возможным все что угодно – можно доказывать любую противоречивую мысль и с равным успехом опровергать ее же. Поэтому необходим принцип ограничения свободной философской мысли, принцип отделения истинного от ложного. Г. Г. Майоров

так пишет о соотношении разума и веры у Григория Назианзина: «Однако разум ограничен, и это проявляется уже в отношении вещей, ближайших к нам. Тем более ограничен он в исследовании вещей божественных. Поэтому, чтобы не отклониться от “правильного мнения” (ортодоксии) и не впасть в ересь, разум должен опираться на веру как на свое основание» [6, с. 107].

Принципиально важно, что у Григория Назианзина основание истинности для свободной философской деятельности вводится извне. Религиозная истина задает критерий оценки философских идей. Правильность или неправильность философствования определяется в отношении к внешнему нефилософскому критерию. Философия как неограниченное, ничем и нигде не останавливаемое движение мысли сама в себе не содержит подобно основания для того, чтобы определить момент собственной правильности или ошибочности. Для Григория Назианзина таким критерием выступает вера. Примечательно, что этот критерий должен своеобразно восстанавливать себя на каждом последующем уровне. Выражаясь яснее, вера в слово Священного Писания является критерием, который определяет истинность той или иной концептуальной системы, однако данная концептуальная система сводится к законам Писания при помощи интерпретации. Поэтому может существовать альтернативная концептуальная система, которая в иной интерпретации также сводится к Священному Писанию. Возникает вопрос – какая интерпретация вернее, – ответом на который служит повторяемый акт веры, но уже на другом уровне. Между двумя альтернативными интерпретациями выбирают ту, в которую больше верят, тем самым создавая концептуальный каркас догматики.

Из идей Григория Назианзина понятно, что теология строится им по принципу аксиоматической системы, в которой догмы Священного Писания выступают первоначальными утверждениями, истинность которых не требует доказательств, поскольку основывается на вере в трансцендентный божественный авторитет. В свою очередь, философские спекулятивные методы представляют собой способы вывода из первичных божественных истин правдоподобных следствий. Нетрудно заметить, что такой метафилософский подход в своей сущности очень схож с современным метафилософским подходом аналитической традиции. Спор между кабинетным и экспериментальным подходами есть способ введения в тело философии критерия определения истинных концепций от ложных [2]. Именно отсутствие данного критерия в философии, который давал бы объективный способ оценки философских построений, возобновляет проблему о научном статусе философии. Можно сказать, что критерий научности выступает в качестве внешнего способа ограничения философствования. Так, например, для эмпирических философов, например Д. Ноуба, в качестве этого критерия выступают эмпирические методы социальных наук [7], а для Т. Уильямсона [8] – математика в качестве образца построения науки.

Выводы

Теология и наука в метафилософском контексте выступают в качестве «иног» по отношению к философии. Это очевидно из метафилософских идей Григория Назианзина и из современной метафилософской дискуссии в аналитической традиции. Области теологии и науки вводят критерий истинности, которому должна соответствовать свободная философская мысль, чтобы быть пригодной для целей одной или другой. Неслучайно Бадью говорит, что философия имеет предмет только тогда, когда подшивается к «родовым условиям (поэмы, матемы, политики, любви)» [1, с. 36]. Исходя из этого, можно сформулировать следующие важные выводы метафилософского характера. Во-первых, философия представляет собой область свободного, ничем не ограниченного мышления, которое в себе не содержит никаких критериев правильности. Во-вторых, критерий, ограничивающий философские спекулятивные построения, вводится из областей вне философии. Этот критерий представляет собой внешнее условие, которому философствование должно соответствовать. В-третьих, из первых двух пунктов мы заключаем, что *главной проблемой метафилософии является проблема отношения философии и критерия оценки*. Если внимательно всмотреться в различные концепции природы и сущности философии, то все они сводимы к ответу на вопрос о том, как оценить результаты философствования в категориях правильно – неправильно, истинно – ложно и т.п.

Без лишних объяснений понятно, что обозначенная центральная проблема для своего решения требует множества длительных и объемных исследований, которые, мы надеемся, не заставят себя ждать в рамках метафилософии как специальной области философского анализа. Пока что мы ограничимся тем, что перечислим возможные концептуальные варианты решения этой проблемы:

- философия с необходимостью должна заимствовать критерий правильности из других областей;
- философия сама способна выработать собственный критерий правильности;
- для философии невозможен критерий правильности.

Список источников

1. Бадью А. Манифест философии / сост., пер. с франц. и послесловие В. Е. Лапицкого. Изд-е 2-е, испр. СПб.: Machina, 2012. 190 с.
2. Васильев В. В. Метафилософия: история и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafilosofiya-istoriya-i-perspektivy> (дата обращения: 11.10.2020).

3. Григорий Богослов, свт. Слово 31, о богословии пятое, о Святом Духе [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/sv_grigoriy_t1/31 (дата обращения: 09.10.2020).
4. Григорий Богослов, свт. Слово 32, о соблюдении доброго порядка в собеседовании, и о том, что не всякий человек и не во всякое время может рассуждать о Боге [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/sv_grigoriy_t1/32 (дата обращения: 02.10.2020).
5. Григорий Богослов, свт. Слово 43, Надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/sv_grigoriy_t1/43 (дата обращения: 02.10.2020).
6. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии: латинская патристика. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 296 с.
7. Ноуб Д. Философские интуиции на удивление устойчивы к демографическим различиям // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 29-36.
8. Уильямсон Т. Кабинетная философия // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 19-25.
9. Beeley C. A. Gregory of Nazianzus on the Trinity and the Knowledge of God: In Your Light We Shall See Light. N. Y.: Oxford University Press, USA, 2008. 416 p.
10. Daley B. E. Gregory of Nazianzus (The Early Church Fathers). Oxfordshire: Routledge, 2006. 284 p.

Информация об авторах | Author information

Сафонов Александр Сергеевич¹, к. филос. н.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Safonov Alexander Sergeyeovich¹, PhD

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

¹ chelovek-3000@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.10.2020; опубликовано (published): 30.11.2020.

Ключевые слова (keywords): Григорий Назианзин; метафилософия; философия; патристика; Gregory of Nazianzus; metaphilosophy; philosophy; patristics.